

— Ты ведь это искал? — Цзянь Цзянь достал из широкого рукава Бумажного журавля поиска следов и слегка покачал им перед лицом Хуа Тяня.

— Точно, он самый! — Хуа Тянь поспешно забрал Бумажного журавля поиска следов. — Цзянь Цзянь, как ты догадался?

Этого Бумажного журавля поиска следов он умыкнул у Лань Цзыцзюня. О том, каких трудов это стоило, история умалчивала — ясно было одно: дело оказалось чертовски непростым.

— Я видел, как ты запускал такого же вслед за Ма Юэ, — пояснил Цзянь Цзянь. — Вот и подумал, что он тебе еще пригодится. Боялся, что ты его потеряешь, поэтому решил припрятать у себя.

— Цзянь Цзянь, ты просто моя верная су... то есть отличный помощник! — Хуа Тянь едва не ляпнул то, кем втайне считал своего спутника, и вовремя прикусил язык.

— Пока Юй Цзыи не ушел слишком далеко, нам стоит поторопиться, — напомнил Цзянь Цзянь.

Хуа Тянь расправил крылья Бумажного журавля поиска следов и негромко прочитал заклинание. Игрушка в его руках ожила, легко вспорхнула, вылетела в открытое окно и устремилась в ночную высь, указывая путь.

Только тогда Хуа Тянь наконец облегченно вздохнул. На его лицо вернулась привычная беззаботная ухмылка, и он охотно согласился отправиться на гору Шэрао, чтобы «сцапать» Ма Юэ.

Смеркалось. Далекий горизонт подернулся дымчатой рябью угасающего заката, когда все четверо добрались до подножия горы Шэрао. Вглядываясь в грозные, вздымающиеся к небесам кручи, они невольно предались светлым воспоминаниям о днях, проведенных на самой вершине. Те мгновения казались слишком прекрасными и совсем не вязались с унылым видом этой бесплодной, иссохшей горы.

Чжун Ли поудобнее перехватил рукоять сабли. Подобная защитная формация была совсем свежей и слабой — чтобы разбить ее вдребезги, хватило бы одного точного удара.

— Не стоит утруждать себя, почтенный герой, — раздался негромкий голос.

Едва Чжун Ли замахнулся для удара, как в придорожных зарослях зашуршала трава, и перед ними, словно соткавшись из воздуха, бесшумно возник Ма Юэ.

Старые раны все еще давали о себе знать. Ладони беглеца были наспех перемотаны грязными бинтами, сквозь которые сочился густой, солоноватый запах крови. Без малейшего страха он развел руки в стороны, показывая мирные намерения, и неторопливо направился к незванным

гостям.

Сумерки сгущались, затягивая тропу серой пеленой и скрадывая очертания предметов.

— Кто там? Неужели Ма Юэ? — взглядываясь в темноту, спросил Лань Цзыцзюнь.

Ему не верилось, что тот решит добровольно сдаться в руки правосудия. Было ли это признанием вины или за этим крылся коварный замысел?

— Похоже, он, — неуверенно протянул Чжун Ли. Прищурившись, он попытался рассмотреть приближающуюся фигуру и легонько толкнул локтем стоявшего рядом юношу: — Цзянь Цзянь, у тебя глаза побольше, глянь-ка хорошенько — это точно Ма Юэ?

«И при чем тут вообще размер глаз?»

Цзянь Цзянь лишь безмолвно воззрился на товарища.

— Вроде бы он, — парень сощурился, пытаясь разглядеть силуэт в сгущающейся мгле.

— Это он, никаких сомнений, — уверенно заявил Хуа Тянь. Он заметил кружащего над плечом мужчины Бумажного журавля поиска следов и решительно зашагал навстречу.

— Господин Хуа, неужели вы больше не боитесь лишиться головы? — хоть Чжун Ли и не упустил возможности съязвить, он тут же обогнал его и заслонил собой, готовый к любому подвоху.

Хуа Тянь лишь раздраженно закатил глаза. Чжун Ли вечно лез на рожон, занимаясь делами, за которые никто не скажет спасибо, и, судя по всему, находил в этом особое удовольствие.

— И у тебя хватило наглости спуститься с горы! — громогласно выкрикнул идущий впереди Чжун Ли. Сегодня он твердо вознамерился вправить мозги этому зверю в человеческом обличье.

— Но разве не этого вы сами желали? — с полным спокойствием отозвался Ма Юэ.

— Господин Лань, скорее наложите на него Цепь пленения бессмертных! — поторопил Чжун Ли Лань Цзыцзюня.

— Не нужно обращаться со мной так же, как с Юй Цзыи, я вполне в своем уме, — Ма Юэ даже не думал бежать. Он говорил просто и открыто, и Чжун Ли, не отличавшийся красноречием, сразу смешался, не находя слов для достойного ответа.

Хуа Тянь бесцеремонно отодвинул защитника в сторону — этот неотесанный увалень только позорил их перед врагом.

— Верни похищенные души и выпей это. Тогда сможешь уйти на все четыре стороны, — Лань Цзыцзюнь взмахнул рукой, и в воздухе возник небольшой глиняный сосуд, который тут же полетел к Ма Юэ.

Ма Юэ даже не успел озвучить вертевшийся на языке вопрос:

«Что это?»

Хуа Тянь ловко перехватил сосуд на лету и с любопытством принялся его разглядывать.

— Это зелье стирает память, — холодно пояснил Лань Цзыцзюнь, не сводя взгляда с Ма Юэ. — Выпив его, ты навсегда позабудешь, как управлять душами.

Для себя он давно все решил: его долг — во что бы то ни стало избавить мир смертных от тех, кто тайно практиковал запретное искусство переселения душ.

Заботы Лань Цзыцзюня о покое людского царства были вполне оправданны, и у Хуа Тяня не нашлось причин спорить. Он бросил сосуд Ма Юэ, предоставляя тому самому сделать выбор.

Поймав сосуд, Ма Юэ на мгновение лишился прежнего хладнокровия. Его брови сошлись у переносицы, а в голосе прозвучала искренняя горечь:

— Должен признать, прожитые тридцать лет принесли мне мало радости. И все же... я не хочу забывать свое прошлое.

— В таком случае мне придется прибегнуть к силе, — отрезал Лань Цзыцзюнь.

Ма Юэ не ответил. Вместо этого он молча занялся своим делом.

Медленно размотав окровавленные бинты, он обнажил ладонь. При одном лишь взгляде на нее передергивало от отвращения и ужаса: вся кожа была испещрена глубокими, уродливыми шрамами от порезов. Из свежих, едва затянувшихся ран, лишившихся повязки, вновь лениво заструилась темная кровь. Не обращая внимания на боль, Ма Юэ опустил на одно колено и принялся быстро выводить на земле кровавые узоры.

— Что он затеял? — вполголоса спросил Хуа Тянь.

— Чертит кровью защитный символ, — ответил Чжун Ли. Ему уже доводилось сталкиваться с

подобной жутковатой магией, и то кровавое зрелище врезалось в его память на всю жизнь.

— Плохо дело, он собирается активировать формацию! Останови его! — скомандовал Лань Цзыцзюнь.

Чжун Ли мгновенно сорвался с места и, занеся саблю, бросился к коленопреклоненному мужчине.

Однако Ма Юэ, даже не подняв головы, предостерегающе вскинул руку, останавливая воина:

— Стойте на месте. Я лишь снимаю барьер вокруг горы Шэрао.

Чжун Ли замер и вопросительно взглянул на Лань Цзыцзюня, ожидая дальнейших указаний.

Тот едва заметно покачал головой и жестом велел Чжун Ли отступить.

— Брат Цзыцзюнь, злодей прямо перед нами, почему бы просто не скрутить его? — с иронией поинтересовался Хуа Тянь, заметив колебания товарища. — Неужели ты веришь ему на слово? Если он сейчас возведет новую ловушку, нам не поздоровится.

Лань Цзыцзюнь промолчал, но лицо его заметно помрачнело.

— Думаешь, он все-таки не так безнадежен, верно? — тихо добавил Хуа Тянь.

Пойманный на сочувствии, Лань Цзыцзюнь недовольно отвел взгляд, явно испытывая неловкость от того, что его потаенные мысли так легко разгадали.

Понимающе усмехнувшись, Хуа Тянь больше не стал донимать его расспросами.

— Разрушья! — выкрикнул в этот момент Ма Юэ, завершив последний мазок.

Все четверо замерли в ожидании, готовые к тому, что облик унылой горы вновь претерпит невероятные изменения.

— Чжун Ли, ну как, что-то изменилось? — Хуа Тянь повертел головой из стороны в сторону, но, кроме завывания холодного ночного ветра в ушах, ничего нового не заметил.

— Пока не видать, — Чжун Ли скрестил руки на груди, приготовившись наблюдать за представлением. — Давай подождем еще немного.

— Ждать не придется. Явитесь! — негромко позвал Ма Юэ.

В тот же миг налетел резкий порыв ветра, и тьма окончательно сомкнулась над горой. Вдруг из лесной чащи с веселым шумом и грохотом выкатилась пестрая толпа бродячих музыкантов. Они звенели тарелками, били в барабаны и дули в дудки, мгновенно разгоняя ночное безмолвие.

— Праздник начинается, — улыбнулся Ма Юэ и неспешно пошел следом за шумной кавалькадой, словно обычный праздный гуляка.

Мало-помалу из полумрака стали проступать торговые лавки. Отовсюду разнеслись звонкие голоса зазывал. Чего здесь только не предлагали: хрустящие засахаренные боярышники на палочках, расписные маски, бумажные фонарики всевозможных форм, фигурки из сладкой патоки, горячие финиковые пироги, исходящие паром булочки-баоцзы и ароматные лепешки... Глаза разбегались от изобилия.

Улицы воображаемого города наводнили празднично одетые толпы, повсюду царила суэта и веселая толкотня.

Стайки ребятишек с веселым визгом носились между прилавками, выпрашивая сладости, пока в карманах не заканчивались последние медные монетки, после чего они послушно возвращались к родителям. Молодожены шли рука об руку, не сводя друг с друга сияющих нежностью глаз. Даже согбенные годами старики, опираясь на костыли, выбрались наружу, чтобы погреться в лучах чужого веселья и обсудить последние слухи.

Хотя происходящее и вызывало изумление, Хуа Тянь с товарищами невольно поддались общему беззаботному настроению. Ма Юэ преподносил им один сюрприз за другим. Сами того не замечая, они побрели следом за ним по оживленным рядам, напрочь позабыв о том, люди ли окружают их или призраки, и не задумываясь над тем, откуда посреди глуши возник этот шумный базар. В конце концов, каждый из них слишком давно не радовался простым житейским мелочам.

— Скоро он придет, — негромко произнес Ма Юэ. Его глаза блестели от волнения, в котором угадывался затаенный трепет.

— Кто? — любопытствовал Чжун Ли.

— А ты сам погляди, — отозвался Хуа Тянь.

Вся троица одновременно повернула головы в сторону перекрестка. Проследив за их взглядами, Чжун Ли замер: сквозь веселую праздничную толпу к ним медленно плыла неприкаянная душа Сюй Байли.

<http://bllate.org/book/18412/1796490>